

**ПЕТР
ВЯЗЕМСКИЙ**

ПИСЬМО В
ПАРИЖ

Петр Андреевич Вяземский

Письмо в Париж

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24510629

Аннотация

«Хотя вы худо приняли мои Русские гостинцы, но на диковинку посылаю вам еще – журнал не журнал, книгу не книгу, а нечто, которое без сомнения не имеет своего подобия ни в каких литературах древних и новейших. Вот вам „*Прибавление к Сыну Отечества*“. И подлинно пристройка достойная главного здания...»

Петр Вяземский

Письмо в Париж

Хотя вы худо приняли мои Русские гостинцы, но на диковинку посылаю вам еще – журнал не журнал, книгу не книгу, а нечто, которое без сомнения не имеет своего подобия ни в каких литературах древних и новейших. Вот вам «*Прибавление к Сыну Отечества*». И подлинно пристройка достойная главного здания.

Вызываю отважнейших читателей: кто прочтет одним духом и не смыкая глаз сию кормчую книгу скуки, тот шутя вытвердит наизусть *Телемахиду* от первого стиха до последнего. И весь этот парк артиллерии морфеевской наведен на *Телеграф*. За что? спросите вы... Есть некоторые главные побуждения и поводы к неприязни: а к ним примыкает с разных сторон несколько мелочных самолюбий литературных лилипутов, обидевшихся чистосердечием телеграфических известий о их движениях; за ними следует бесплотная, чуть не бессловесная фаланга друзей, которая сама собою не существует, но как эхо вторит чужие слова, и после истаивает в воздухе. Во всем отряде писателей, объявивших войну *Телеграфу*, не найдете решительно ни одного имени литератора заслуженного. Все они только тогда получают право гражданства в области муз, когда издастся известный вам в рукопи-

си литературный словарь бесконечно малых¹. Покамест они существуют в силу правила товарищества, или устава общества для взаимного застрахования. Взаимно они себя читают, взаимно хвалят, обороняются, поддерживаются, друг за друга отвечают. Не столько голубкам, как им, приличен прекрасный стих нашего баснописца:

Где видишь одного, другой уж верно там!

По справедливости должно признаться, что из сего общества отделяется неизвестный автор, скрывший имя свое под буквами – в, на 39 странице помянутого Прибавления. Наши писатели и даже кандидаты в писатели так все на счету, мы так прислушались к каждому, что нельзя не догадаться, когда новый голос раздастся посреди известных. Жаль, что сей новый рыцарь завербовался в подобный поход под знаменами, не имеющими девиза Бурбонского знамени: D'гареау sans tache. Лучше поберег бы он свое мужество для блистательнейших действий и для поприща, более достойного его пера и дарований.

Согласен, и *Телеграф* далек от совершенства; но все же решительно не хуже он других журналов наших; а расположением, разнообразием своим более других удовлетворяет тре-

¹ Ривароль написал: *Petit almanach de nos grands hommes*. В нем остроумно и беспощадно осмеивал он современную Французскую литературную мелюзгу. Кто-то, в подражание, хотел издать в Москве: *Большой словарь мелких Русских писателей*.

бованиям журнальных читателей. Видно, что издатель еще не победил всех затруднений, предстоящих ему, что слог его не совершенно созрел в постоянном и прилежном упражнении; но, по крайней мере, видны усилия надежные, деятельность, благонамеренность; но, по крайней-мере, писатель, который дорожит своим честным именем, может, не краснея, вписать его на страницы журнала, еще органа литературного, а не разглашателя личных ненавистей, личных расчетов, личных пристрастий. Забавнее всего: противники издателя *Телеграфа* суть те же, которые приглашали его снять откуп журнальный и со всем жаром сердобольного участия пугали его затруднениями, сопряженными с званием издателя, уговаривая действовать лучше общими силами. Vous êtes orfèvre m-r Josse! Всеми этому я видел письменные доказательства, а по моему мнению, если выставить их в книжной лавке на показ любопытным, то стоили бы они монеты, которую издатель *Архива* намеревался отдать в лавку Смирдина. Пишет ли у нас какой-нибудь летописец позорный временник, la chronique scandaleuse нашей современной литературы? Сколько богатых материалов! Или за чем не составить бы, по истории словесности, летопись о мятежах, в которой также явились бы свои Лже-Дмитрии и свои Мнишки!

Вы все не верите падению *Сына Отечества*. При первом случае пришлю вам еще несколько доказательств наличных. Впрочем, прежний издатель его, который положил ему счастливое начало в роковую и блестящую годину, ныне по-

коится за неутомимую деятельность нового своего товарища и, как хозяин снисходительный, в доме своем дает волю своему дорогому гостю. И подлинно, угощает он его мастерски! Как ласкает, как смиряется перед ним, и если изредка и возвысит перед ним голос, то разве с тем, чтобы воспеть ему хвалу. В самом деле, если г-ну Булгарину не удастся затмить славу всех Русских писателей, бывших и существующих, то виноват тому не г-н Греч. По его мнению, г-н Булгарин приносят честь не только нам, но мог бы принести честь и Франции и Германии своими литературными дарованиями. Хотя и почитаю себя хорошим патриотом, но в этом случае желал бы счастья Франции и Германии! Вы подумаете, что такие похвалы, печатаемые в журнале, издаваемом под фирмою г-на Булгарина, означаются, по крайней-мере, курсивом, как вставки неуместные, как приятельская шутка, для смеха приводимая, или что г-н Булгарин ставит отводы от сих ударов кадилъницы неосторожного дружества? Нет, он молча соглашается, *et comme accoutumé à de pareils présents*, даже и не поморщится, хотя бы из благопристойности. Но за то, как убедительно на деле доказывает он, что г-н Греч худой знаток в людях и в авторских дарованиях, но за то друг восторженный и полный самоотвержения.

Еще отличительная черта этих союзных походов на *Телеграфъ* есть та, что сии крестовые рыцари упрекают издателя в том, что он из купеческого звания. Да, кто же, спросите вы, сии феодальные бароны, повитые на пергаменте и вскорм-

ленные на благородном щите, которые не иначе хвалят книгу, как удостоверившись, что она писана дворянскою рукою? Укор! Да, хотя и в самом деле происхождение их было бы древнее самого Рима, то как не знать в наше время, что одно из главнейших прав издателя *Телеграфа* на внимание и благосклонность просвещенных соотечественников есть именно то, что он в лице своем служит доказательством распространения образованности, которая долго замыкалась у нас в одном высшем звании, доказательством, что мудрая попечительность Русского правительства не даром поощряет развитие просвещения и открыла средства в образованию своих граждан. Чего ожидать от писателей, которые в литературных мнениях употребляют подобные орудия личности и не стыдятся в XIX веке обнаруживать такие мнения? Но как и не пожалеть о состоянии текущей литературы, которая вертится на подобных пружинах!

Что сказать о новой отрасли литературной, отрасли многолиственной, но бесплодной, которая, под именем антикритики, накидывает широкую, холодную тень на журналы наши, а особливо же на *Сын Отечества*, давно скрывающийся в сей дремучей засаде? Она напоминает нам древо сна, посаженное Виргилием в преддвериях ада, и стих Петрова, из описания его:

На каждом тут листе почиет сновиденье –

может служить прекрасным эпиграфом к *Прибавлению Сына Отечества*.

Ваши Парижские журналы не имеют понятия об антикритиках. Кажется, должно держаться в значении сем буквального смысла и определить, что антикритика есть совершенная противоположность истинной критики, и что господа антикритики суть антиподы критиков дельных, образованных, вежливых. Не так ли? Бюффон сказал: *le style c'est l'homme*. Слог наших антикритик вял, груб, бесцветен. В них не соблюдаются первоначальные правила светского общежития, их эпиграмматическая соль заключается обыкновенно в том, что назовут противника по имени, говоря во втором лице: г-н такой-то! Скоро дождемся, что местоимение вы заменится в них республиканским ты: вот чем ограничатся успехи наши в республике словесности! Кстати заметить здесь противоположную сему формулу, вкраившуюся в наш язык литературный. Многие, говоря о современном писателе, никогда не решатся наименовать его просто, а не иначе как с прилагательными: почтеннейший, достопочтеннейший, известнейший. Эти провинциализмы дерут уши, когда слышишь их от автора. Если формы наших антикритик доказывают недостаток в привычке мыслить, то можно решительно утвердить, что из сего чернильного омута не выплывет ни одной свежей новой мысли, ни одного наблюдения, тонкого, пронизательного. Разве почесть новыми наблюдениями открытия, подобные следующему: один из антикритиков *Сына Отечества* (в

Прибавлении № 1, стр. 13) называет старинною Русскою по-
словицею изречение: «В чужом глазу замечаем соломинку, а
в своем не видим и бревна». Кто до него знал, что в Библии
находятся Русские пословицы?

Но перейдем к другому, если только вы имели терпение
следовать за мною. Во всяком случае прошу, в минуту него-
дования или мщения не выдавать наших тайн Французским
журналистам, как то делали иные из наших литературных
сутяг, которые, не надеясь выиграть тяжбу дома, прибегали
с чужим инстанциям. Нет, сделайте одолжение, не вывоси-
те ни сора, ни спор наших из избы. А уже если захотите не
скромничать, то вот вам добрые вести о нашей стороне.

Мы ожидаем в скорости появления 12-го тома *Исто-
рии Государства Российского*, который обнимет промежуток
времени столь драматический, столь занимательный разно-
образием и важностию событий, так сказать заключивший
бедствия и перевороты нашего отечества и открывший но-
вый период нашего государственного бытия.

Мелкие стихотворения и новая поэма Пушкина *Цыгане*
готовятся к печати. Слышно, что юный атлет наш испытыва-
ет свои силы на новом поприще и пишет трагедию: *Борис Го-
дунов*. По моему, должно надеяться, что он подарит нас об-
разцовым опытом первой трагедии народной и вырвет ее из
колеи, проведенной у нас Сумароковым не с легкой, а разве с
тяжелой руки. Благоговей пред поэтическим гением Расина,
сожалею, что он завещал почти всем Русским последовате-

лям не тайну стихов своих, а одну обрезанную, накрахмаленную и по закону тогдашнего общества сшитую мантию своей Парижской Мельпомены. Как жаль, что Озеров, при поэтическом своем даровании, не дерзнул переродить трагедию нашу! Тем более опыт Пушкина любопытен и важен. Между тем поэтический роман *Евгений Онегин* подвигается. Жаль, что две или три следующие главы, которые, как слышно, уже готовы, до сей поры остаются в рукописи. Нашим типографиям нужна утешительная система Азаиса, система вознаграждений (compensations). Литературные лазутчики доносят еще, что в Москве печатается новое собрание басен, в роде апологических четверостиший Мольво (Mollevault). Некоторые из сих басен напечатаны в *Полярной Звезде* без имени поэта; но точность и правильность языка, исполненного поэтической силы и живости, отпечаток вкуса зрелого и, одним словом, все признаки мастера своего дела обнаружили тайну анонима. Вот наши надежды в засеве, а прочие пока преют в ожидании. Надеюсь, вы обрадуетесь моим вестям, а теперь хочу удивить вестью почти неслыханною.

На днях, прочитал я Русский роман: *Два Ивана, или Страсть к тяжбам*, сочинение Нарезного, который, в сожалению, умер прошедшим летом еще в зрелой поре мужества. Это четвертый роман из написанных автором. Не удовлетворяя вполне эстетическим требованиям искусства, Нарезный победил первый, и покамест один, трудность, которую, признаюсь, почитал я до него непобедимою. Мне ка-

залось, что наши нравы, что вообще наш народный быт не имеет или имеет мало оконечностей живописных, кои мог бы охватить наблюдатель для составления Русского романа. Правда, что автор наш наблюдатель не совершенно Русский, а Малороссийский, и что его два лучшие романа: *Бурсак* и *Два Ивана* относятся к эпохе, когда Малороссия еще имела свою особенную и характеристическую физиономию; правда и то, что Нарезный не берется быть живописцем природы изящной, а сбивается более на краски Теньера или Гогарта. Картины его имеют обыкновенно черты карикатурные, но не менее того обнаруживается везде ум оригинальный, веселый, сметливый в наблюдениях, а кое-где и прорываются искры истинной чувствительности. Он не дает читателю в первых страницах романа отгадать загадку, которая становится утомительною, когда любопытство удовлетворено преждевременно; но он довольно искусно заводит читателя и при конце дает отчет ясный и сбыточный. Не все романисты поступают так добросовестно с читателями своими. Жаль, что язык неприятный, грубый, иногда даже дикий, вкус неочищенный, или – справедливее – совершенное отсутствие вкуса, много вредят достоинству сих романов; но совсем тем они занимают место в числе замечательных произведений нашей ленивой и малоурожайной словесности. Из наших писателей не многих станет на книгу, не только-что на несколько томов, хотя бы то было романов, хотя и подлежали бы они критике в частностях и полном составе. Не смотря на то, На-

режний умер, почти не слышав доброго слова о себе от наших журналистов, которым недосуг разбирать книгу порядком. Нужно ли отстоять себя: они печатают целые тома антикритик, о трудах других писателей отделиваются несколькими строками, суждениями поверхностными и довольно подробным исчислением опечаток.

Простите и пр.

PS. Я было и забыл вам сказать, что вы не даром избрали рака в эмблемы наших периодических листов: один из них поспешил ее присвоить себе и вышел в свет под этим знаменем. Видно, не на шутку издатель объявляет себя великим магистром сего ордена и для образца выпустил один диплом за своим рукоприкладством и аллегорическим изображением по примеру Французских книг, которые теперь печатаются не иначе, как с *fac simile* и портретом автора. Дух подражания у нас везде изобличается.